

ОГЛЯНИСЬ ВО ГНЕВЕ...

НЕСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ О ТЕАТРЕ САТИРЫ, ЕГО ГЛАВНОМ РЕЖИССЕРЕ И ОДНОМ ПРОФСОЮЗНОМ СОБРАНИИ

В ПРОСТОРНОМ репетиционном зале московского театра Сатиры шло профсоюзное собрание. Обсуждалось решение президиума городского комитета профсоюза работников культуры об участии местного комитета театра Сатиры в производственно-творческой и идейно-воспитательной работе.

Да, вопрос один. А разговор идет о многом. Горячий разговор, страстный.

Помню, несколько месяцев назад представители прессы были приглашены в театр в связи с переездом его в новое, великолепное помещение на площади Маяковского. Когда зовут на новоселье, не пойти нельзя. И нельзя не понять и не разделить радости новоселья. Большую роль проиграл тогда главный режиссер театра Валентин Николаевич Плучек. О пути театра за последние полтора десятка лет, о трех годах скитаний по чужим площадкам, о том, как трудно было организовать творческий процесс в таких условиях. И вот теперь — планы, мечты, надежды. «Счастья, друзья!» — хотелось сказать им, — «Пусть сопутствует удача вашим устремлениям!».

А сейчас я слушаю выступление молодого актера Ю. Авшарова: — У Валентина Николаевича правдивые, великолепные слова часто расходятся с делами...

Вообще страсти и мнения сплелись здесь в один, казалось бы, навсегда и прочно залитый клубок. Попробуем, однако, размотать его.

О начале мы можем узнать в четвертом томе «Театральной энциклопедии». На странице 386 сообщается: «Важнейшим этапом в творчестве Плучека и в истории театра Сатиры явился цикл постановок пьес Маяковского: «Баня» (1953, совм. с Н. В. Петровым и С. И. Юткевичем), «Клоп» (1955, совм. с Ю. Кевичем), «Мистерия-Буфф» (1957)... В творческой жизни театра Сатиры они знаменовали поворот к масштабному боевому сатирическому искусству».

Тут, как говорит поэт, ни убавить, ни прибавить. Было. Потом появились постановки Хикмета и Шоу. Успехи не оказались незамеченными. Главный режиссер был увенчан высоким званием народного артиста. Не жаловался тогда театр на необъективность прессы, не сетовал на всяческую тенденциозность в отношении к нему!

А потом странным образом стал видоизменяться репертуар московского театра Сатиры. Вместо дальнейшего следования по пути «масштабного, боевого сатирического искусства» началась суебивая припрыжка вокруг легких, в меру смешных и в меру не отягчающих раздумьями спектаклей типа «Гурий Лаврович Синичкин» или «Женский монастырь».

Критика забила тревогу. Негоже было

театру Сатиры терять обретенное, скапываться на развеселые тропки с продуваемого жесткими ветрами времени сатирического шляха. Прислушаться бы руководству театра, художественному совету, внять бы критике, приостановиться, задуматься. Ан нет, амбиция загворила!

Утвердилось в коллективе недоброе мнение, что пресса, мол, травит. Вражеские выпады это, интриги. Мы, мол, хорошие, у нас и Маяковский и Хикмет в репертуаре остаются, а остальное — как бы дополнение, на разбавку, что ли. И не заметили, как шло время, старые хорошие спектакли делались все старше, а на замену им или в дополнение так ничего достойного и не прибывало. Авторский актив вокруг театра не сложился, комплектование труппы оставляет желать лучшего. Устойчивых кадров режиссеров тоже не видно.

ЧТО ни говори, а в любом театре главный режиссер — фигура определяющая. Если он к критике глух, если он прежде всего подозрителен, а потом уже доверчив, то и ведомому им коллективу очень просто настроиться точно так же. Правда, могли вмешаться в дело общественные организации, художественный совет и поправить своего наставника, но они на поверку оказались не на высоте.

На профсоюзном собрании многие так и признали: сами, мол, виноваты в том, что произошло, не сказали вовремя Плучеку о неправомерности его, Плучека, позиции в этих делах.

Переезд в новое помещение вселил в поклонников театра надежду, что теперь многое переменится. Ведь вполне естественно, что, переезжая на новую квартиру, хозяин не стремится тащить за собой старые вещи. На новом месте и жить всегда хочется по-новому, лучше. Вскоре появляются три премьеры: «Бидерман и поджигатели», «Теркин на том свете» и «Процесс Ричарда Ваверли».

Зрители удивленно развели руками, а критики вновь взялись за перья.

Остановлюсь на «Теркине», о котором пока написано совсем немного. Говорено гораздо больше...

Появление поэмы Александра Твардовского было встречено нашей общественностью с огромным интересом. Не могли оставить равнодушными проблемы, поднятые в ней, трагический накат многих ее мест, победный оптимизм звучания в целом. Ее сарказмом, ее сатирическим запалом мы действительно прощались с прошлым. И вдруг становится известным, что Плучек задумал воплотить поэму на сцене.

Можно ничего не иметь против подобного рода затей, но трудно изба-

виться от подозрения в некоем следовании моде: нынче у нас любят ставить письма, телеграммы, стихи... Теперь — поэма. Мода — это, если хотите, синоним серийности. А серийность — шаг к серости.

Действительно, смысловые, идейные акценты в спектакле по сравнению с поэмой сползли в сторону пессимистического испуга перед злом. Что же касается спектакля как такового, то мне конкретные режиссерские «ходы» показались малоизобретательными. Они слишком отдают привкусом «капустничества» подхода к делу. Как результат: порою скучно, порою непонятно. Неточность приемов местами сильно затемнила смысл.

Печально, что в театре можно услышать: «Теркин» — наше знание». Трудно идти в поход под таким знаменем...

ОДНАКО вернемся в репетиционный зал, где идет профсоюзное собрание. В плане работы на второй квартал этого года горком профсоюза предусмотрел заслушать местком театра Сатиры. Авторитетная комиссия приступила к анализу деятельности месткома.

В разгар работы Министерство культуры СССР попросило ту же комиссию одновременно разобраться с письмом группы работников театра, которое поступило в редакцию газеты «Советская культура». Авторы просили имен своих не разглашать.

Занялись и письмом. Выяснилось, что в целом ряде положений оно справедливо. Но были в нем и передержки, и просто неверные вещи.

Театр заклятогал. Страсти накалились до предела. Закончив работу, комиссия решила доложить свои соображения коллективу. В Плучек на собрание не явился. Он не пришел и на заседание президиума горкома профсоюза, таким образом сорвав его. А когда пожаловал на второе приглашение, то заявил, что пришел только потому, что товарищи упростили прийти...

Коллектив в это время, кроме всего прочего, очень интересовало, кто написал письмо в редакцию. Почему авторы не обсудили волнующие их вопросы сначала в театре, почему сразу «пошли выше»?

Таковы основные события, предшествовавшие собранию.

А вот основные положения решения президиума горкома профсоюза: местный комитет и его производственно-массовая комиссия слабо участвуют в формировании репертуара театра; здесь отсутствует постоянный общественный контроль за качеством спектаклей; далеко недостаточна работа о повышении профессионального мастерства как технических, так и творческих работников;

мало уделяется внимания дисциплине, велика текучесть кадров; забыты дискуссии и беседы о современном искусстве; бездействует стенная печать; вопросы производства решаются руководством театра келейно, в большинстве случаев без участия местного комитета; из-за отсутствия производственных советов значительно понизился уровень критики и самокритики; у театра и у его местного комитета отсутствует четкий план подготовки к празднованию 50-летия Советской власти.

В постановляющей части особое внимание обращал на себя один пункт: «Просить Управление культуры исполкома Моссовета (начальник т. Родионов Б. Е.) рассмотреть вопрос о возможности дальнейшего пребывания т. Плучека В. Н. на посту главного режиссера театра Сатиры как руководителя и воспитателя».

ЗАМЕЧЬТЕ — «и воспитателя». Станиславский утверждал единство этического и эстетического. Этика, говорил он, нужна «для художественных целей нашего искусства и творчества». Приходится с грустью констатировать, что этот завет то и дело забывается руководителем театра Сатиры.

Молодой актер Е. Супонев самостоятельно подготовил крупную роль. Главный режиссер поступил совсем не мудро, оборвав показ уже после второй картины.

На общественном обсуждении спектакля «Бидерман и поджигатели» при всем честном народе он оскорбил критика Н. Румянцеву, позволившему себе неободрительно отозваться о спектакле.

Венчая свои многолетние распри с актрисой О. Аросевой, он, попросту говоря, выгнал ее с собрания коллектива. Потом не извинился, а без лишнего объяснений отстранил от участия в спектакле, в котором она более 300 раз сыграла одну из центральных ролей.

Бездари, злыдни — примерно такими словами адресуется порой главный режиссер к своим собратьям по искусству.

Не в этих ли проявлениях грубости, гипертрофированного самонадеяния, высокомерия таится начала тех просчетов, которые губят конечную «продукцию» — спектакли? Возможно ли творчество там, где отменяются начала нравственные, гуманистические?

Но, странное дело, признав критику горкома профсоюза правильной, председатель месткома Б. Рунге и некоторые другие товарищи активнейшим образом встали на защиту главного ре-

жиссера. Что это — защита чести мундира или мера предосторожности? Тягостное впечатление оставляют эти выступления. Да, он, Плучек, редко бывает на спектаклях, говорит один; не следит за текущим репертуаром, продолжает другой; да, не субординация у нас, а подхалимство, подхватывает третий; да, Плучек — мякотел (А. Панапов); нет, Плучек слишком суров (Е. Супонев); нет-нет, он мякотел (А. Шатрин); у Плучека в последнее время появились эмоциональные срывы, несдержанность в репетиционной работе (Г. Менглет); к нам, актерам, он не требователен, наш театр никак не называет театром ансамбля (Ю. Авшаров); общественные организации у нас никакого веса не имеют (Б. Манякина), и тем не менее общее резюме — дальше мы должны идти вместе с Плучеком!

А почему?

А потому, оказывается, что есть другой театр, где главный режиссер — ого! — похлеще нашего. Потому что в творческом процессе все, дескать, позволено. Старый актер вспомнил, что в молодости в него режиссер даже стул бросил на репетиции. И ничего, обошлось. А другой актер, молодой, сформулировал кратко: «Я счастлив, когда на меня кричат...»

Как же должен был руководитель вернуть наизнанку самосознание иных своих собратьев по сцене, как искоренить их представление и о человеческом достоинстве, и об элементарных нормах театральной жизни, коль стали они такими непротивоположными!

Это обстоятельство наиболее удручает. Можно ли ждать высоких творческих взлетов от коллектива, в котором живы подобного рода представления?

И еще мне казалось, пока шло восьмичасовое собрание, что авторы письма в газету, инкогнито которых охраняется законом, все-таки встанут перед коллективом и скажут о своей позиции открыто. Не в письменной форме, а в устной. Но нет, не встали. Побоялись. Мне представляется, что и это проявление гражданской робости есть все та же потеря своей самостоятельности, еще одно доказательство, что в коллективе театра Сатиры далеко не творческая обстановка.

В КОНЦЕ собрания, как и положено, было принято решение. Но, видимо, плохо будет, если участники собрания посетят его последней точкой в долгих размышлениях о судьбах своего театра. Еще есть о чем подумать. Что же касается главного режиссера, то дело не в том, останется он на своем посту или не останется. В конце концов масштаб художника определяет не должность. Его определяет способность к непрерывному движению, к росту, к саморазвитию. Его определяет умение делать выводы из своих поражений.

Хочется верить, что с этим согласится и Валентин Николаевич Плучек.

Даль ОРЛОВ.